

Луна со звездами пока не успели покинуть небосвод, и на земле еще было черным-черно.

В это время суток нормальные люди должны были крепко спать и видеть сны.

Лишь несколько личностей в опрятных одеждах держали путь ко Двору.

Прошлой ночью Тан Фань лег поздно, не выспался, так что теперь, сидя в покачивающемся паланкине, невольно задремал.

Вдруг в полусне он почувствовал, что паланкин резко остановился. По инерции тело Тан Фаня качнулось, и он ударился о балку крыши, налетев на нее самым твердым краем своей чиновничьей шапки. Это было так больно, что он всхлипнул. Всю сонливость как рукой сняло.

Сняв шапку, он ощупал голову: к счастью, крови не было. Лишь назревающая шишка.

Снаружи послышался приглушенный шум, сопровождаемый голосом носильщика:

— Господин, дальше не пройти. Может, сделать крюк?

Тан Фань приподнял занавеску. Порыв холодного ветра заставил его поежиться и немного взбодриться:

— В чем дело?

— Кажется, впереди какая-то стычка! – ответил носильщик.

Нахмурившись, Тан Фань выглянул наружу. Дорогу впереди перегородил паланкин. Однако, кто его владелец, было не разглядеть. Теперь понятно, почему его носильщики так резко остановились: иначе бы просто налетели на преграду.

— Сходи узнай, что там происходит, – велел Тан Фань.

— Будет исполнено! – носильщик обошел паланкин, чтобы найти его хозяина, а после возвратился с докладом:

— Господин, там и правда кое-кто ругается.

— Кто? – несколько удивился Тан Фань.

В такой час это могли быть только спешащие ко Двору чиновники. Все они служили в одном месте, так что всегда, кивая, вежливо здоровались друг с другом. Откуда мог взяться такой затор? Впрочем, мало ли что могло случиться.

— Кажется, помощник министра обрядов Ли столкнулся с паланкином правого столичного цензора Цю, и теперь они спорят! – доложил носильщик.

Помощником министра обрядов Ли, о котором тот говорил, был Ли Цзышэн, а правым столичным цензором Цю – Цю Цзюнь, учитель Тан Фаня.

— С учителем все в порядке? – поспешил уточнить Тан Фань.

— Все хорошо, господин Цю отчитывает помощника министра Ли! – осторожно ответил носильщик.

Услышав эти слова, Тан Фань понял, в чем дело, и горько улыбнулся.

Цю Цзюнь терпеть не мог везунчиков вроде Ли Цзышэна. Помощник министра обрядов был чиновником третьего ранга, и выступать против него не смели. Но Цю Цзюнь занимал должность правого столичного цензора второго ранга и нисколько того не боялся. Просто шанса обругать Ли Цзышэна никак не подворачивалось, да и император всерьез его слова бы не воспринял, так что теперь, когда Ли Цзышэн допустил оплошность, Цю Цзюнь не преминул уцепиться за такую возможность.

Особенно старика Цю возмущало то, что цензора Линь Цзюня отправили гнить в тюрьму за обличающий Ли Цзышэна с Цзи Сяо доклад.

Тан Фань знал своего учителя, так что догадался, как было дело, даже не выходя из паланкина.

Прождав еще какое-то время и поняв, что перегородивший дорогу паланкин трогаться с места не собирается, Тан Фань спешил и отправился к месту происшествия пешком по снегу.

Вскоре он заметил два валяющихся посреди дороги паланкина и Цю Цзюня, с пеной у рта цитирующего обличающие Ли Цзышэна высказывания благородных мужей прошлого.

Ли Цзышэн не сдавал императорского экзамена и не был столь образован, однако Цю Цзюня нисколько не боялся и с надменным выражением лица старательно его игнорировал.

Вокруг них столпились семь-восемь человек, все – чиновники, которым так же, как и Тан Фаню, нужно было попасть ко Двору, но пришлось остановиться на полпути из-за аварии и пытаться наперебой уговорить Цю Цзюня успокоиться.

Если не убедить того прекратить пререкания, с места не сдвинуться. А кому охота мерзнуть тут в снегу? Кроме того, опоздание на службу без уважительной причины каралось вычетом из жалованья и даже ударами палкой.

Однако слепые увещевания лишь еще пуще разозлили Цю Цзюня:

— Думаете, я хочу тут стоять? Он поломал мой паланкин. Один из моих носильщиков получил травмы и теперь встать не может!

Присутствующие окинули взглядами место происшествия. И правда. Два паланкина умудрились столкнуться с такой силой, что у принадлежавшего Ли Цзышэну отпала одна из задних опорных балок, а паланкин Цю Цзюня опрокинулся, совсем помятый. К счастью, старик успел вовремя из него выбраться, иначе пострадавших оказалось бы больше.

Так вышло, что оба паланкина перегородили всю дорогу – ни пройти ни проехать.

Слова Цю Цзюня заставили Ли Цзышэна усмехнуться:

— Господин Цю, Вы сами себя слышите? Ясно как день, что это Ваши носильщики так спешили обогнать мой паланкин, что врезались в него и сами перевернулись. У Вас на паланкине не указан владелец. Откуда мне было знать, что это Вы? Паланкин этого скромного чиновника тоже поломан! Кто мне это компенсирует?!

— Хватит пороть чушь! – рассвирепел Цю Цзюнь. – Мои носильщики служат мне много лет. Они надежные ребята. Они не могли налететь на тебя из-за излишней спешки. Видимо, ты полз слишком медленно! Мои носильщики боялись, что я опознаю ко Двору, вот и прибавили шагу!

— Ты спешишь ко двору, а я нет? – Ли Цзышэн как-то странно усмехнулся. – Снег идет, дорога скользкая, не стоит бежать сломя голову. Да и куда так торопиться в Вашем-то возрасте? В Кабинет все равно не поспеете! И чего так злиться?!

— Ты, бесстыжий подхалим! – рассвирепел Цю Цзюнь.

Услышав это, Тан Фань не выдержал и все-таки вмешался.

Из их перепалки было не понять, кто прав, а кто виноват. Однако Тан Фань прекрасно понимал, что пустяк этот – лишь повод. Цю Цзюнь с Ли Цзышэном находились по разные стороны баррикад и были несовместимы друг с другом, как огонь и вода. Накопленный за столь продолжительное время негатив сегодня вылился наружу.

Однако паланкинов на дороге продолжало скапливаться все больше, а эти двое, кажется, вовсе не собирались заканчивать препирательства, так что опоздавших в то утро обещало быть много. Да, не “без причины”, но все равно сильно задерживаться никому не хотелось.

— Учитель, – произнес Тан Фань.

Присутствующие оглянулись. Это же старейшина Тан! Все один за другим расступились, сложив руки в почтительном приветственном жесте.

Подумав о том, что старейшина Тан тоже может опоздать из-за произошедшего, все немного успокоились, решив, что “падающее небо – забота высокой горы”.

Тан Фань с улыбкой кивал на их приветствия. Он не ходил высокомерно задрав нос, как первый министр, но и головы впустую, лишь ради того, чтобы снискать расположения, не склонял. Если в этом мире и существуют люди, способные очаровать с первого взгляда, то Тан Фань определенно был одним из них.

Еще каких-то пять-шесть лет назад манеры у него, возможно, были несколько другими, но статус и окружение способны изменить человека. Помимо внешности, темперамента и жизненного опыта, важные изменения, вызванные новым статусом, коснулись его ума и сердца.

От широты взглядов человека зависит, каких высот он добьется. Как говорится, произведенное тобой впечатление идет от сердца. Даже первый министр Вань Ань, обладающий высокой и крепкой фигурой, рядом с Тан Фанем казался ниже и меньше. Внутренняя сила влияет на внешнюю – подобное сложно описать словами.

Увидев Тан Фаня, Цю Цзюнь несколько смягчился в лице, но потом, вспомнив о том, что Ли Цзышэн все еще здесь, вновь помрачнел.

Не дожидаясь, пока Цю Цзюнь заговорит, Тан Фань обратился к Ли Цзышэну:

— Помощник министра Ли, паланкины уже сломаны, так что разговоры ни к чему не приведут. На улице темно, а дорога скользкая. Если дело затянется, боюсь, мы опоздаем. Велите своим людям поскорее оттащить паланкины, чтобы остальные смогли проехать.

Ли Цзышэну хватало наглости язвить Цю Цзюню, однако позволить себе подобное в отношении Тан Фаня он не мог.

Объяснялось это тем, что влияние Тан Фаня при Дворе уже возросло до такой степени, что он давно превзошел своего учителя, превратившись, пусть и в не полной степени, но все же в одну из авторитетнейших фигур времен до и после одиннадцатого года правления императора Чэнхуа.

— Этот скромный чиновник не смеет нарушить приказа старейшины Тана, – отвечал Ли Цзышэн, – но двое из четырех моих носильщиков пострадали, и я отправил их домой. Боюсь, оставшиеся двое не смогут поднять паланкин.

Тан Фань ничего ему не ответил, обратившись к своему носильщику:

— Иди помоги помощнику министра Ли.

Тан Фань старался разрешить ситуацию, а Цю Цзюнь, как учитель, не мог позволить своему ученику потерять лицо, так что тоже нехотя велел своим носильщикам помочь.

Так, совместными усилиями им удалось сдвинуть с дороги оба паланкина, и чиновники смогли вздохнуть с облегчением.

Тан Фань пропустил вперед всех ожидающих. Те так боялись опоздать, что им было не до церемоний. Быстро извинившись, они разбежались по своим паланкинам и тронулись в путь.

— Учитель, почему бы Вам не воспользоваться паланкином Вашего ученика? – предложил Тан Фань Цю Цзюню.

— Не стоит, – покачал головой тот. – Этот старик наймет новый.

— Еще даже солнце не встало, – рассмеялся Тан Фань. – Кто одолжит Вам паланкин? Не стоит церемониться со своим учеником. Я еще молод, а в Вашем возрасте холод переносить сложнее!

После этих слов Цю Цзюнь был в добровольно-принудительном порядке усажен в паланкин и отправлен во дворец.

Тан Фань проводил его взглядом, а затем с улыбкой повернулся к выглядевшему совсем несчастным Ли Цзышэну:

— Помощник министра Ли останется со мной ждать паланкин или отправится ко Двору пешком?

— Этот скромный чиновник пойдет пешком, чтобы не опоздать, – нехотя улыбнулся Ли Цзышэн. – Буду вынужден Вас покинуть, господин.

— Тогда ступай, – кивнул Тан Фань, не настаивая.

Снегу намело не то, чтобы очень много – при большом желании пробиться через его толщу было можно. Просто во время такой прогулки он бы попал в ботинки, и носки бы промокли. Тан Фань предпочел подождать, чем весь день проходить в сырых носках – это была та еще пытка.

Он стоял под навесом чьего-то дома и глядел вслед неуверенно бредущему прочь в сопровождении своих слуг Ли Цзышэну, а затем перевел взгляд на валяющиеся у обочины паланкины. В этот самый момент в его голове промелькнула какая-то мысль, однако он не успел за нее ухватиться.

В доме Тан был лишь один паланкин, так что носильщики отправились в соседний дом Суй. Тан Фаню пришлось прождать почти час, прежде чем те вернулись с новым паланкином.

Двор Великой Мин был разделен на Большой Двор, Двор Новолуния и Общий Двор.

В Большом Дворе заседания проходили по великим праздникам, во Дворе Новолуния – в первые и пятнадцатые дни каждого лунного месяца, а в Общем Дворе – все остальное время. Со времен Юнлэ заседания в Общем Дворе превратились в рутину: все собирались, чтобы отметить, слушали какую-нибудь ерунду, после чего расходились работать по своим кабинетам.

Когда паланкин Тан Фаня остановился у входа во дворец, уже светало, улицы города оживились, а снег начал таять под первыми лучами солнца, однако порывы холодного ветра, казалось, по-прежнему пронизывали до самых костей.

Заседание Общего Двора уже должно было закончиться. Тан Фань не собирался присоединяться к нему под самый конец, планируя направиться напрямиком в павильон Вэньюань.

Однако, стоило ему подойти к воротам, как его тотчас остановили.

— Что такое? – Тан Фань слегка приподнял бровь. – День меня не видели – и уже не признали?

— Да разве ж такое возможно, старейшина Тан? – улыбнулся привратник. – Не опускайтесь до уровня вашего недостойного слуги. Сверху передали, что сегодня опоздало слишком много людей. Его Величество разгневался и приказал, чтобы все опоздавшие остались стоять на улице и подумали над своим поведением на морозе. Ваш недостойный слуга не смеет послушаться приказа!

— А что насчет столичного цензора Цю и помощника министра обрядов Ли? – Тан Фань несколько удивился. – Ты их видел?

— Видел. Они прибыли на час раньше Вас и уже внутри. Еще чуть-чуть и опоздали бы. Тем, кто прибыл позже, не повезло: всех оттащили и всыпали палок. Думается мне, Вам сегодня лучше взять выходной. Сделаем вид, что Вы не приходили.

По правилам Двора опоздание без уважительной причины каралось десятью ударами палкой. Если с уважаемого старейшины стянут штаны и на глазах у всех отходят палкой, дело будет громким. Тан Фань после такого месяц из дому носу показать не сможет.

Однако нынешний император был по натуре человеком отходчивым и мягкосердечным. За опоздание уже давно никого палками не наказывали. В худшем случае, из жалования вычитали. Что же случилось сегодня?

— Его Величество злится? Ты знаешь, в чем дело? – спросил Тан Фань.

— Вы, должно быть, совсем меня смутить хотите, – покачал головой привратник. – Откуда этому ничтожному слуге знать о таком?

Впрочем, продолжать праздно стоять тут было не дело. Немного подумав, Тан Фань попросил:

— Давай поступим так. Сходи к своему начальству и скажи, что я...

Не успел он закончить, как со спины его кто-то окликнул:

— Жуньцин!

Тан Фань обернулся и увидел, что неподалеку остановились запыхавшиеся носильщики паланкина, из которого тотчас выбрался человек. В пару шагов оказавшись подле ворот, перед Тан Фанем предстал Лю Цзянь, его коллега из Кабинета Министров.

Лю Цзяню было за пятьдесят, однако он был худощав, энергичен, обладал высоким ростом и черными как смоль волосами. Старым он совсем не выглядел – посторонние не дали бы ему сильно больше сорока.

— Брат Хуэйань, – Тан Фань остановился и вежливо сложил руки в приветственном жесте.

Несмотря на разницу в двадцать лет, оба были членами Кабинета Министров и обладали равным статусом. На самом деле, они могли обращаться друг к другу по именам, но, дабы выразить уважение к возрасту Лю Цзяня, Тан Фань звал его по выбранному самим Лю Цзянем псевдониму.

Лю Цзянь вытер со лба пот и удивленно открыл рот:

— Как так вышло, что ты тоже опоздал?

— Похоже, день сегодня неудачный для поездок, – горько улыбнулся Тан Фань, а затем вновь повернул голову к привратнику: – Можешь ли ты быть так любезен и пропустить нас? Мы

обязательно объясним все Его Величеству и принесем свои извинения.

Заметив, что прибыл еще один старейшина, привратник решил, что что-то тут не так: “Что за день сегодня такой? Еще один? Остановить императорских министров у ворот дворца – вот это дела!”

Он выглядел ужасно смущенным:

— Прошу простить меня. Но сверху было отдано строгое распоряжение. Я действую согласно приказу и не смею его нарушить. С Вами двумя ничего не будет, а вот нас накажут за неисполнение служебных обязанностей.

Лю Цзянь был добрым человеком. Услышав это, он попросил привратника:

— Тогда пойди и доложи о нас, а мы подождем здесь.

Тот согласно кивнул и, оставив своего напарника сторожить ворота, вошел внутрь.

Когда снег тает, становится еще холоднее. Тан Фань с Лю Цзянем были укутаны в теплые меховые плащи, а под официальные одежды поддели плотные хлопчатобумажные рубашки, но холод все равно проникал под одежду сквозь воротники и рукава. Стоя в проеме ворот, они топали ногами и потирали руки, пытаясь согреться.

— Почему брат Хуэйань прибыл только сейчас? – спросил Тан Фань.

— Ой, даже не спрашивай, – горько улыбнулся Лю Цзянь. – На дороге, по которой я обычно езжу из дому во дворец, кто-то с утра пораньше вырыл канаву. Один из моих носильщиков споткнулся и упал. Мне пришлось отправить его домой и найти на замену другого. Пришлось изрядно попотеть, чтобы добраться, – закончив, он заметил, что лицо Тан Фаня приняло странное выражение. – Что такое?

Тан Фань рассказал ему о причине своего опоздания.

Оба были людьми не глупыми. Мысленно сопоставив все факты, они поняли, что совпадений подозрительно много.

Лю Цзянь схватил оставшегося привратника и спросил:

— Кроме нас двоих все члены Кабинета вошли?

— Они все внутри, – честно ответил растерявшийся привратник.

— А Сюй Пу? Старейшина Сюй тоже там?

— Да, старейшина Сюй пришел рано утром.

Лю Цзянь с Тан Фанем переглянулись:

— Жуньцин, ты думаешь?..

— Войдем и узнаем! – сурово отозвался Тан Фань.

Видя, что настроены они крайне решительно, привратник тотчас принялся причитать:

— Не усложняйте жизнь этому ничтожному слуге! Мой товарищ уже пошел доложить о вас и вот-вот вернется! Пожалуйста, подождите еще немного!

— Мы войдем и потом сами принесем извинения Его Величеству. Тебе не придется отвечать за это! – бросил Лю Цзянь, после чего зашагал вперед.

Привратник растерялся и хотел было остановить их, но не осмелился, боясь ранить двух министров.

— Стойте! – пройдя всего пару шагов, Лю Цзянь с Тан Фанем увидели спешащий к ним наперерез небольшой отряд Императорской Гвардии и остановились, дожидаясь их прибытия.

Однако те оказались не так сговорчивы, как дворцовые привратники, к тому же и беспристрастны настолько, что даже родственников бы своих не признали. Даже после того, как Тан Фань с Лю Цзянем назвали им свои личности, они потребовали, чтобы те вернулись за ворота дворца и не смели входить без разрешения.

— Мы министры Кабинета! – Лю Цзянь пришел в ярость. – Но должны выслушивать приказы вам подобных?! Да будь это хоть приказ Его Величества! Мы узнаем обо всем, как только встретимся с Его Величеством! Прочь с дороги!

Гвардеец даже не шелохнулся и без тени страха вежливо сложил руки:

— Это действительно приказ Его Величества. Этот презренный слуга не осмелился бы чинить самоуправство. Господа, прошу простить!

Лю Цзянь уже хотел было разгневаться, но Тан Фань остановил его, спросив командира гвардейцев:

— Ты лично слышал, как Его Величество говорил это?

— Так точно.

— Кто еще был там, когда Его Величество говорил это?

Гвардеец не понимал, чего Тан Фань от него добивается, и засомневался, стоит ли отвечать на вопрос, но под холодным и суровым взглядом того, способным, казалось, резать без ножа, его сердце заколотилось в груди, как бешеное, и он не задумываясь выпалил:

— Там был левый помощник министра обрядов Ли Цзышэн, господин Ли.

Этот черепаший сын!

Лю Цзянь хотел было выругаться, но сдержался. Он не был похож на Цю Цзюня и умел сдерживать свой гнев.

Однако лицо его помрачнело.

Ли Цзышэн был чиновником Министерства Обрядов, так что имел полное право попросить императора сурово наказать опоздавших под предлогом того, что их следует научить придворному этикету. Но почему он решил сделать это именно сегодня? Чтобы остановить Тан Фаня с Лю Цзянем?

Оба прежде полагали, что во дворце что-то случилось, но теперь, тщательно все обдумав, поняли, что это не так. Хотя император и не желал брать на себя управление Двором, в те времена, а особенно после эпохи правления императора Инцзуна, заговор и мятеж Двора были чем-то практически неосуществимым.

Но раз с императором все в порядке, значит, что-то не так с Кабинетом Министров.

Зная Вань Аня, можно было предположить, что, если бы произошло какое-то важное событие, требующее голосования всех членов Кабинета Министров, тот, понимая, что Лю Цзянь с Тан Фанем ни за что с ним не согласятся, совершенно точно сделал бы все, что в его силах, дабы отстранить их от дел. Без Лю Цзяня с Тан Фанем остались бы лишь Лю Цзи да Сюй Пу. Один – человек переменчивый и трусливый, второй – неумеха в словесных баталиях. А значит, решение Кабинет Министров примет единодушное.

Рис сварится – дело будет сделано, и возражения Тан Фаня с Лю Цзянем никто даже слушать не станет!

Стоило им только подумать об этом, как они тотчас рванули с места. Но вместо того, чтобы направиться во дворец Небесной Чистоты, они свернули к павильону Вэньюань.

Императорская Гвардия должна была исполнять свой долг, но они не смели останавливать старейшин Кабинета, и лишь продолжали бежать за ними, крича: “Господа, подождите! Господа, подождите!”

Тан Фань с Лю Цзянем не обращали на них никакого внимания и продолжали идти вперед. Сцена вышла довольно комичной.

А в это время в павильоне Вэньюань происходило следующее.

Сегодня император снова не явился на заседание, но к этому все уже давно привыкли. После формальной встречи придворные разошлись по своим кабинетам, а Вань Ань собрал всех министров на совещание, темой которого послужили недавние небесные явления.

Скользнув взглядом по второму министру Лю Цзи, он быстро, но внимательно изучил выражения лиц каждого из присутствующих, остановился на двух пустующих местах справа и слева от Сюй Пу и вновь обратил взор на середину стола:

— Небеса являют знамения одно за другим. Вся страна в ужасе. Полагаю, вы об этом знаете, – сделав короткое вступление и не дождавшись никакой реакции, он продолжил: – Должно быть, вы слышали и о том, что наследный принц принес свои извинения перед Двором. Как верные подданные, мы обязаны предвосхищать намерения Его Величества. Тревоги Его Величества – наши тревоги. Думы Его Величества – наши думы. Мы должны понять даже то, о чем Его

Величество умолчал.

Слова эти казались безобидными и на первый взгляд довольно загадочными, но все присутствующие были тертыми ютя, давно крутящимися в официальных кругах. Говорить прямо не было нужды, Лю Цзи сразу понял: Вань Ань пытается воспользоваться возможностью объединить всех членов Кабинета и призвать императора сместить наследного принца!

Неудивительно, что Лю Цзянь с Тан Фанем не явились сегодня! Он мысленно проклял этих двоих, решив, что те заранее обо всем прознали и специально не пришли. Он же не знал, что их паланкинам не дали добраться до дворца!

Лю Цзи не принадлежал к фракции Ваней, но и сторонником наследного принца не являлся. Он не ладил с Вань Анем и действовал по ситуации: держал нос по ветру. Если бы знал, что произойдет сегодня, вообще ко Двору бы не явился: сказался бы больным и остался бы дома, чтобы избежать всех этих неприятностей. Если принц не падет, то обижать его Лю Цзи не станет. А если его место займет принц Син, он поздравит его с получением титула наследника. Главное – никого не обидеть. Вот в чем секрет столь долгого пребывания на должности министра.

Кто ж знал, что Вань Ань выкинет сегодня такой трюк и застанет их врасплох.

Проницательный и хитрый Лю Цзи не изменился в лице, а вот Сюй Пу, совершенно ошеломленный, даже не попытался скрыть удивления.

Вань Ань сделал вид, будто не заметил их реакции и продолжил. Пэн Хуа с Инь Чжи, уже давно готовые к такому повороту событий, продолжали спокойно сидеть как ни в чем не бывало.

— Я составил бумагу Его Величеству. Можете взглянуть. Если все в порядке, просто подпишите – подадим, как совместное прошение от всего Кабинета.

С этими словами он пододвинул документ сидевшему слева от него Лю Цзи.

В сложившейся ситуации Лю Цзи ничего не оставалось, кроме как принять его. Взяв свиток в руки, он развернул его и обнаружил, что хоть о свержении наследного принца там не было ни слова, буквально каждое предложение кричало о том, что император должен сделать верные выводы и самостоятельно принять решение. Мол, как бы он ни решил, Кабинет его поддержит.

Если император сместит наследного принца, а Кабинет Министров вместе с цензорами выступит против, это будет значить, что весь Двор и народ не согласны с принятым решением, и императору придется учесть их мнение.

Однако, если Кабинет Министров примет сторону императора и поможет ему успокоить цензоров, какую бы шумиху ни подняли низы, сделать ничего будет нельзя.

Поняв замысел Вань Аня, Лю Цзи усмехнулся про себя, а затем поднял голову:

— Юаньвэн, Лю Сисянь и Тан Жуньцин еще не прибыли. Боюсь подписывать документ без них будет неправильно. Лучше подождать их. Давай обсудим это как-нибудь в другой раз.

— В этом нет необходимости, – Вань Ань даже в лице не изменился. – Эти двое сегодня взяли выходной и не придут. Наших подписей будет вполне достаточно.

Он намекал на то, что Лю Цзянь с Тан Фанем обладали самыми низкими статусами в Кабинете Министров и их присутствие не сыграло бы большой роли.

— Юаньвэн, зачем же так? – слабо улыбнулся Лю Цзи. – Мы все – члены Кабинета Министров. Нельзя их игнорировать. Давайте подождем, когда все соберутся.

С этими словами он отложил документ и передал его сидящему подле него Пэн Хуа.

Пэн Хуа пробежался по нему взглядом, после чего взял кисть и написал свое имя. Опустив голову, подул на подпись, подождал, пока чернила высохнут и передал бумагу Инь Чжи.

После того, как тот подписался, прошение вновь вернулось к Лю Цзи.

Взгляды всех присутствующих были устремлены на него.

Видя, что уклониться никак не выйдет, Лю Цзи предпринял последнюю попытку:

— Никогда не слышал, чтобы в Кабинете действовала совместная подпись. Юаньвэн, это ведь не по правилам. Если низы узнают, то скажут, что наш Кабинет вместо того, чтобы помогать Его Величеству советами, всякой ерундой занимается.

— Как это мы не помогаем Его Величеству советами? – равнодушно бросил Вань Ань. – В этом документе говорится о том, что Его Величество должен как можно скорее принять решение и урегулировать вопрос, дабы пустые слухи не тревожили людские сердца.

Он приложил много сил, чтобы составить такое прошение. Оно так и пестрело намеками на то, что император должен что-то предпринять, пока не стало слишком поздно, однако о свержении наследного принца в нем было ни слова, так что и не придерешься

Подписывать или не подписывать?

Лю Цзи колебался.

Если не подпишет, лишний раз нанесет оскорбление Вань Аню и, самое главное, благородной наложнице Вань. Все знали, что больше всех сместить наследного принца хочет именно она. Благородная наложница Вань была той, к чьим словам император прислушивался.

А если подпишет, то в случае, если свергнуть наследного принца не выйдет, его посчитают приспешником фракции Ваней. Что если, взойдя на престол, принц внесет его в список неугодных?

Из раздумий Лю Цзи вырвал шум приближающихся шагов.

Все невольно подняли головы. В этот самый момент дверь отворилась и в зал собраний во главе с Вань Туном вошла грозная Императорская Стража, облаченная в парчовую форму и сапоги

на высокой подошве.

Даже не поздоровавшись, они обошли стол и встали за спинами министров, молча сверля их взглядами, словно тигр добычу.

Лю Цзи свирепо глянул на Вань Туна:

— Командующий Вань, что все это значит?!

Неужели это бунт?!

Вань Тун усмехнулся. Он был облачен в платье с цилинем, однако сидело оно на нем не так ладно, как на Суй Чжоу: было немного великовато и топорщилось.

— Второй министр Лю, не волнуйтесь так. Этот скромный чиновник получил приказ доставить письмо. Прошу старейшин ознакомиться с ним.

— Павильон Вэньюань - закрытая территория. Посторонним вход запрещен, - продолжал сердиться Лю Цзи. - Кто отдал тебе приказ?

— Его Величество, кто же еще? - равнодушно бросил Вань Тун.

Вань Ань взял письмо, быстро пробежал по нему взглядом и передал Лю Цзи:

— Взгляните-ка.

Лю Цзи прочел и обнаружил, что это последние записи Императорской Обсерватории.

В них говорилось, что с начала месяца в небе было замечено слишком много комет: около семи или восьми всех размеров. Та, пролетевшая через Северный Ковш, что наделала такой переполох во Дворе и среди простого люда, была лишь одной из них.

Но почему вдруг император велел передать эти записи Кабинету Министров?

Лю Цзи оторопел. Зная императора, он предположил, что тот, должно быть, хотел сместить наследного принца, однако сказать об этом прямо не мог, вот и надеялся, что Кабинет Министров подпишет это прошение и развяжет ему руки.

Другими словами, император хотел, чтобы Кабинет Министров помог ему принять решение и разделил с ним бремя ответственности.

Лю Цзи молча передал письмо своему соседу.

— У нас у всех полно дел, - вновь начал Вань Ань. - Не хочу никого задерживать. Быстренько подпишем прошение и передадим Его Величеству.

— Его Величество и благородная наложница после полудня хотят отправиться в Южный сад полюбоваться на хризантемы. Боюсь, если Юаньвэн не поторопится, догнать их уже не успеет, - многозначительно вставил Вань Тун.

Он сказал это, чтобы напомнить Лю Цзи об отношениях, связывающих императора и благородную наложницу Вань.

Велев Вань Туну передать письмо, император, скорее всего, не просил его приводить с собой столько людей, однако теперь, под грозными взглядами целого отряда Императорской Стражи министры Кабинета ежились, словно их в спину колючками кололи.

Не выдержав такого давления, Лю Цзи стиснул зубы и вывел свое имя на бумаге.

Вань Ань с Вань Туном несколько смягчились в лицах.

Остался лишь один Сюй Пу.

Вань Ань и предположить не мог, что хребет Сюй Пу окажется тверже, чем у Лю Цзи:

— Цяньчжай, прошу.

Сюй Пу понял, что попал в их тщательно подготовленную ловушку.

— Юаньвэн, прости, но я не смогу подписать это прошение, – покачал головой он.

— Почему? – Вань Ань помрачнел.

— Потому что принцип наследия “Сначала законный, старший, а младший – в конце” – один из столпов нашей страны! Наследный принц не сделал ничего плохого – как можно свергать его лишь из-за какого-то пророчества? Это неправильно! А если кто-то вынашивает коварные планы, то он предатель и должен быть наказан!

С этими громкими словами в дверях зала собраний предстал Тан Фань в сопровождении Лю Цзяня.

Падающие снаружи солнечные лучи обрамляли их фигуры ореолом мягкого света.

Послесловие автора:

Эй, почему вы все думаете, что книга вот-вот закончится? Этот том только начался. Он (?) может занять до 1000К иероглифов →_→

Нелегко смотреть, как господин Тан вырос шаг за шагом...

Такое ощущение, что это мой сын вырос и несет надежду на светлое будущее Великой Мин....

(Растроганно достает трусы командующего Вана. А нет, носовой платок командующего Вана)

Господин Тан здесь! Кто посмел творить беспредел?!

Эта глава вышла несколько волнующий, так что автор решил, что в мини-театре, кажется, нет необходимости. Верно, так и поступим, увидимся в следующей главе! (Читатели: погоди, так какие отношения между этими двумя?! (┐`┘)┐┐┐))

Спойлер: В следующей главе будет веселее ~~

Примечания переводчика:

Я уже запуталась (и явно не одна я), где работает этот Ли Цзышэн. В позапрошлой главе ему дали должность в Министерстве Работ, чтобы он храм строил, сейчас он вдруг помощник министра Обрядов...

П**дец... Бить палками за опоздание... Зачем вообще эти гении шли в чиновники? Экзамен супер-сложный, полжизни можно на него угробить, зарплаты нищенские, работать с 3-4 утра, еще и палками бьют за опоздание. Уважение? Какое уважение, когда даже с министра могли стащить штаны и побить палками просто за то, что на работу пришел позже?

Обещания МСШ звучат очень не обнадеживающе...

Комментарии беты:

Вообще, я понимаю, если бы там была пробка из-за большого скопления этих паланкинов и т.д., а другой дороги до Дворца не было бы, но носильщик ТФ буквально задал вопрос касательно того, чтобы сделать крюк. Неужели там такой большой крюк надо сделать, что по времени тоже бы никто не успел? Я понимаю, ТФ остался, потому что там его учитель, но остальные чиновники чего застряли, как будто иной дороги попросту не существует

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3375678>